

РАССКАЗ РЯДОВОГО 914-го ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА 352-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА КАРЛОМ ВЕГНЕРОМ (KARL WEGNER)

Во время базовой подготовки в учебной части мы вставали в 5 утра, после чего нас гоняли безостановочно до самой ночи с бесконечными инспекциями и уборками. Все было в общем: обращение с винтовкой, штыковой бой, простейшая тактика. Как окапываться, как ползти и т.д. Еще в учебной части, в Чехии, в городке Slany, нам приходилось нести патрульные и охранные обязанности в городе. Припоминаю, что в учебной части у нас был фельдфебель, который обращался с нами действительно хреново. Это не было типично для армии, просто мужик был садистом. Мы решили напакостить ему: влезли к нему в комнату, срезали все пуговицы с формы, а потом нас...ли ему в сапоги. Когда он не появился на утренней поверке, наш ротный старшина (*Spieß*) разозлился до предела. Не знаю, что дальше случилось с этим фельдфебелем, поскольку в то самое утро нас отправляли во Францию. Поэтому мы все это и сделали!

Боевая подготовка в деталях началась тогда, когда я оказался в своем боевом подразделении. Здесь нас учили ночному бою, использованию магнитных противотанковых мин, дымовых гранат, фаустпатронов. Там же я впервые увидел винтовочный гранатомет, который был в каждом отделении. Не самое точное оружие, но человек, хорошо им владеющий, мог забросить гранату в отверстие домового трубы!

В нашем отделении было 9 человек: командир - *Unteroffizier* или *Obergefreiter*, пулеметный расчет и все остальные. В бою 4-5 человек группировались рядом с пулеметом. При потере пулемета людей посылали в атаки, тогда как с пулеметом вы всегда были среди поддерживающих атакующие действия. Мы свой ни разу не потеряли, поскольку первым номером был я!

С парнями из других родов войск у нас проблем не было, за исключением СС. Они вели себя с нами свысока, даже долбаный рядовой эсэсовец был уверен в том, что он лучше обучен и вооружен, чем все остальные. Что касается полевой жандармерии (*Kettenhund*), то эти ублюдки вечно привязывались к нам, что бы мы ни делали. Но стоило начать стрельбу, как они сразу исчезали из поля зрения... Парни из разных регионов Германии немного отличались, в том числе, по диалекту. Например, я иногда плохо понимал ребят из района *Hunsrück* (территория на западе Германии в земле [Rhineland-Palatinate](#) - ВК), а они меня. Берлинцы посматривали на других свысока, баварцы были шумными и веселыми парнями. Горожане были не такими приятными в общении, как сельские ребята, ну и так далее. Но в целом мы уживались друг с другом неплохо.

Среди нас, в Вермахте, было полно иностранцев: поляки, эльзасцы и много русских. Ну, сами по себе они были неплохими солдатами, но, сбиваясь в группы, они превращались в бесполезную массу! Хиви (*Hiwi* – *Hilfswilliger* - добровольные помощники - ВК) всегда были рады помочь нам и услужить. Они были просто готовы были сапоги лизать, что иногда вызывало отвращение... Но их было много и они старались. Были и русские женщины при полевых кухнях во многих частях. Их судьба мне неизвестна...

Военнопленные солдаты из одного из «восточных батальонов» Вермахта. Нормандия, 1944

Местные во Франции относились к нам неплохо, но некоторые из них держали нас на расстоянии: эти боялись мести от своих же соотечественников, а не нас, пацанов. Мы стирали у местных нашу униформу за небольшую плату - все лучше, чем стирать самому, ну и, кроме того, это давало нам возможность познакомиться с местными девчонками. Вообще, после того, как началось вторжение, чтобы раздобыть форму поновее, нам приходилось раздевать убитых и раненых, поскольку снабжение шло к нам уже совсем тоненьким ручейком... Что-то мы могли получить в *Marketenderwäre* (лавка в боевой части - ВК) или купить в столовой, но предпочитали покупать нужное нам у местных, потому что так можно было сделать это с большей выгодой и раздобыть продукты получше. Поскольку я не курил, я посылал домой отцу свой табачный рацион и то, что мог купить недорого, но какую-то часть из него оставлял себе, чтобы использовать как валюту в торговле с местными.

В полевых условиях мы питались тем, что самим удавалось раздобыть, или тем, что повара находили дохлым на дороге и умудрялись сварить. Дрянная была кормежка, поэтому мы часто ели ночью, чтобы не видеть то, что лежит в котелке... Вначале нам вместе с пайком доставалось пиво, но потом, в Нормандии, оно уже до нас не доходило.

Особых требований к внешнему виду на передовой не было, но во время отдыха от всех требовали чистоты и аккуратности в одежде. Личная гигиена, особенно в том, что касалось вшей, насаждалась по-серьезному, поэтому вшей не было ни у кого. Мы мылись тогда, когда стояли у реки или ручья...

Свободного времени почти не было. Я просто читал и спал, когда была возможность. Нам выдавали журналы *Signal*, *Die Wehrmacht* и газеты, но лучшей добычей были французские «веселые» журналы, которые нам иметь не полагалось. Некоторые из них были действительно непристойными. Потом янки отобрали их у нас, когда мы оказались в плену... Когда было побольше времени, мы шли в кино (нам давали специальные купоны), искали какой-нибудь местный бордель или пытались подцепить местных девчонок... Еще играли в карты. Самые азартные игроки даже ставили на кон свои часы и кольца!

Наши старшие офицеры – генерал Kraiss и полковник Heyna были первоклассными лидерами. Они очень часто появлялись на передовой. До сих пор помню, как выглядел Kraiss – он был очень маленького роста и носил каску и автомат. Иногда он даже постреливал в сторону американцев.

Хорошо помню нашего ротного старшину (Hauptfeldwebel: der Spieß), которого звали Thiessen. Когда этот малый говорил с нами, даже волосы вставали «по стойке смирно». Он был твердым, как гвоздь, и всегда был среди нас на передовой. Перед самой сдачей St. Lo он был ранен... Старшие по званию наказывали нас за провинности тяжелой работой – нарядами вне очереди, но самым страшным наказанием были штрафной

батальон и далее отправка на Восточный фронт. Но у меня с дисциплиной проблем не было. В уборке казармы (*Putz und Flickstunde*) участвовали все. Мне «посчастливилось» и сортиры чистить...

Были у нас капелланы, и они появлялись на передовой во время боев. Им приходилось подолгу топать пешком, приходили они не так уж часто, но они проводили службы у нас и у пленных янки тоже. Часто они оставались с нами и помогали медикам на перевязочных пунктах... Санитары были отличными парнями – я говорю о тех, кто был с нами на передовой. Они выползали из окопов и тащили обратно раненых. Они рисковали своими жизнями каждый день. Но стоило тебе оказаться на перевязочном пункте (*Verbandplatz*) или в полевом лазарете (*Feldlazerett*), как тебя могли обчистить до нитки – там мы уже были просто кусками мяса для них...

Немецкий пехотинец сдается в плен в районе города St. Lo

Что касается Гитлера и его окружения, то я надеюсь, что они все гниют в аду. Были еще комиссары от нацистской партии (*NSFO - Nationalsozialistischer Führungsoffizier*), которые перед вторжением в Нормандию раз в неделю нам читали лекции. Скучное дело, но присутствовать при этом было необходимо. Когда начались бои, больше мы этих *Barrackepferde* (Казарменных жеребцов – *БК*) не видели, а если бы они появились, мы бы их сами перестреляли...

Самым тяжелым воспоминанием остаются наши попытки прорваться через St. Lo в самом конце боев. В тот день я потерял своего лучшего друга. Бои в городе – всегда малоприятное занятие, что в наступлении, что в обороне. Самое плохое то, что, находясь в здании, ты всегда являешься хорошей мишенью как для артиллерии, так и штурмовиков противника. Я предпочитал окоп. Во время боев из трофеев мы использовали ручные гранаты и сигнальные ракеты, захваченные у янки. Брали что-то полезное: автомобили, продукты, за сувенирами особенно не охотились. Трофейными цветными дымовыми шашками нам иногда удавалось сбить с толку штурмовую авиацию американцев и отвести ее от себя.

Когда война завершилась, меня не волновало то, кто победил в ней – я просто был доволен, что все закончилось. Хотел бы еще добавить, что был рад возможности рассказать о своей службе в армии после многих лет молчания. Когда-то даже мои дети стыдились того, что я служил в Вермахте, до я и сам начал верить, что был каким-то монстром, - все это благодаря телевидению и Голливуду. Безотносительно формы и того, как она носится, в голливудских фильмах немецкие солдаты всегда показаны тупыми баранами, которые бегут и падают под огнем американских пулеметов. Это неправда: мы были хорошими солдатами и храбро сражались. Хоть бы раз увидеть это в американском фильме! Ну а сами янки на войне были отличными бойцами и хорошими парнями. С нами они, в основном, обращались неплохо. На них грех жаловаться, претензии у меня остались только к летчикам штурмовой авиации!

Теперь я знаю - есть молодые люди, которые понимают, что мы были солдатами, которые сражались за свою страну. Да, нами правили мерзавцы, но других-то мы не знали. Теперь я снова горжусь, что был гренадером (Grenadier) и уйду из жизни вовсе не каким-то голливудским зверем. Спасибо, что дали старику возможность поделиться своими мыслями, ударить себя кулаком в грудь и сказать: я был воином!

Оригинальный текст: <http://www.dererstezug.com/VetWegner.htm>

Интервью: Vince Milano (1993), перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Публикуется впервые

Рассказ немецкого связиста по имени Egon

До войны, как полагалось всем парням, я побывал в Гитлерюгенде - тебя могли счесть маменькиным сынком, если ты не прошел через это. Но в RAD (*Трудовая Служба Рейха – RAD – крупная организация в нацистской Германии, нацеленная на устранение последствий массовой безработицы, милитаризацию и идеологическую обработку трудоспособного населения*) я не был, поскольку работал в Штутгарте в цеху, производившем авиационные приборы. Я надеялся, благодаря этой работе, избежать службы в армии, поскольку тогда все уже хорошо понимали, что такое фронт. Но меня все равно забрали в 1942-м. Было мне тогда 20 лет. Я попал в связисты и служил в 260-м артиллерийском полку. Сами пушкары называли нас *Strippenzieher*, что означало что-то типа «тянущий провод».

Полевой телефонный узел

Боевую подготовку я проходил во Франции, где местные относились к нам не особенно дружелюбно. Оттуда был направлен в Россию в сентябре 1942-го. Полк стоял в Новогорске (?). Нами, связистами, командовал поляк по фамилии Weisskopf. Мы звали его *Scheisskopf* (*дерьмовая башка, м...к – ВК*). Его мы просто ненавидели, такой это был козел! Когда он злился, он орал нас по-польски, а мы ржали над ним. Его это еще больше выводило из себя, и ему еще труднее было говорить по-немецки. Все это было довольно забавно... В конце концов, его сильно лягнула одна из тягловых лошадей. Даже лошади его не любили. Больше мы его не видели...

Будучи связистом, я практически не участвовал в боях. Я всегда был немного позади от передовой, в меня никогда не стреляли, но я много раз был под огнем русской артиллерии. Страх я натерпелся с избытком и больше всего заботился о том, как остаться в живых. Как-то во время атаки русских я застрял на небольшой высоте, где был наш наблюдательный пункт. Было интересно следить за боем, но вскоре *Иваны* раскусили, что на высоте что-то происходит, и обрушили на нас артиллерийский огонь. Никто из нас не пострадал, но я помню, как казалось, что этот холмик взлетает в воздух. Ну а телефонную линию просто разорвало в клочья. Тут-то и начиналась моя работа – восстанавливать телефонные линии...

Грузовик с радио- и телефонным оборудованием после прямого попадания артиллерийского снаряда...

Помню, что как-то меня и солдата по фамилии Хофманн послали восстановить нарушенную после атаки русских связь с одним из наблюдательных пунктов. Вообще, он был известен, как крепкий парень. Ползем мы с ним по лесу, и тут Хофманн останавливается, поворачивается ко мне и улыбается. Я тоже улыбнулся. Он говорит: «Я знаю, почему линия оборвана. – Почему? – Да потому что на ней танк припарковался. – Наш или русский? – Русский.» И улыбается так, как будто это и в самом деле очень смешно. Мы услышали, как заработал танковый двигатель, и тут я разглядел, что и в самом деле, русский танк стоит всего в паре метров от нас! Хофманн прекратил улыбаться и говорит: «Давай-ка сваливать отсюда.» Я увидел, что он здорово испуган, и от этого чуть не потерял сознание от страха. Мы поползли назад так быстро, насколько это было возможно, а в это время танк ломился сквозь заросли вслед за нами. Нам удалось вернуться к своим, и наш фельдфебель послал на восстановление связи уже четверых. Слава богу, когда мы вернулись примерно в то же место, танка там уже не было.

Самое худшее воспоминание о войне – это бомбардировка Штутгарта. Хотя, скорее, это было столкновение с русскими, просочившимися через линию фронта. Не так, чтобы большое событие, но я его запомнил... Я и мой приятель ехали в русском фургоне в город, чтобы что-то получить на складе, но неожиданно один из офицеров приказал нам вместе с другими солдатами разобраться с какими-то «партизанами». Нас усадили в грузовики, и мы где-то с полчаса тащились по отвратительной лесной дороге неизвестно куда. Все кишки у меня вытрясло. Оказалось, что русские были окружены в долине какого-то ручья в глубине леса. В придорожном кювете валялись убитые или раненые немцы, были видны еще трупы между дорогой и ручьем. Группа солдат, в которой был я, получила приказ продвигаться ползком по канаве в сторону ручья. Но, должно быть, другой отряд наших спустился в долину ручья с противоположной стороны, и, когда мы добрались до места, все уже было кочено. С полдюжины *Иванов* стояли в ледяной воде с поднятыми вверх руками. Они не были партизанами, поскольку были в форме – в ватниках и с касками на голове. Там был офицер-полицай – сердитый парень, который все время называл этих русских бандитами.

Затем в зарослях прогремела автоматная очередь, и слышались стоны. Один из наших пленников закричал что-то, и полицейский уложил его на месте выстрелом из пистолета. Поднялась стрельба, и в итоге всех русских перебили. Все произошло очень быстро, и я не сделал ни единого выстрела. Некоторые из солдат сфотографировали результаты своего труда, но я просто сбежал оттуда сломя голову. Пока нас не было, кто-то увел наш фургон, и нам пришлось идти пешком всю дорогу до батареи. Мой приятель без умолку болтал о случившемся, а я был как-будто в состоянии опьянения... Гораздо позднее я рассказал об этом моему отцу, и он сказал: «Это война!»

На войне мы не собирали *сувениры*. Мы брали только то, что могло понадобиться нашим командирам – например, карты, письма, или могло пригодиться нам. Некоторые из ребят носили русские меховые шапки: они были теплее наших. Некоторые носили валенки. Я как-то выменял у одного сапера кусок русской палатки на какую-то книгу. Я хотел, чтобы наш портной сшил мне из брезента крепкие брюки, но нас куда-то перевели до того, как он закончил работу.

На фронте мы жили в блиндажах или русских домах. Палатки мы не ставили, поскольку большую часть моей службы в России было холодно. Блиндажи представляли из себя ямы, покрытые бревнами или досками и землей. В некоторых были печки, иногда их топили масляными обогревателями, и всегда можно было определить, где их использовали: парни из таких блиндажей ходили с закопченными физиономиями...

Завершилась моя фронтовая служба в начале апреля 1943-го. Я с группой ребят ехал на французском грузовике. Водитель как огня боялся партизан и вел машину на дикой скорости. В итоге грузовик на повороте слетел с дороги и въехал в дерево. Я получил перелом бедра и еще чего-то. Дальше припоминаю, что какие-то гражданские русские погрузили меня в сани. Было больно – я просто орал от боли. Потом меня отправили в госпиталь. Я так и не оправился полностью: я и сейчас хромаю, а тогда хромал намного сильнее. Но людей не хватало, и меня отправили служить на какой-то склад в Штутгарте. Там я уже служил в офисе. Бомбежки шли одна за другой, и у нас выработалась стойкая ненависть к американцам и британцам. Слава богу, ни разу сбитый летчик не приземлился на парашюте рядом с нами – я бы просто прикончил его. Когда конец войны стал близок, наш офицер оказался хорошим мужиком и дал нам возможность уйти до того, как появились французы. Думаю, он понимал, что нам незачем становиться «героями», закончившими войну в лагере для военнопленных. По дороге домой были неприятные столкновения с полицейскими, но я оказался хорошим артистом, всячески разыгрывал из себя полного калеку, и меня отпускали.

Я был немецким солдатом и не стыжусь этого. В конце концов, я одел военную форму потому, что так полагалось, и у меня нет чувства вины, поскольку на моих руках нет крови. Возможно, я чувствовал бы себя иначе, если бы убил кого-то на войне... Я выполнил свой долг перед моей страной. Хотя, я должен признаться, что когда-то восхищался Адольфом Гитлером так же, как большинство других немцев, но, во всяком случае, я служил своей стране, а не ему. Пошел бы снова на войну? Смейтесь, что ли? Я бы просто сбежал в Швейцарию!

Оригинальное интервью: Eric Tobey (1989) - <http://www.dererstezug.com/VetEgon.htm>

Перевод и обработка - Владимир Крупник

Публикуется впервые

Интервью с рядовым Георгом Бухвальдом

Georg Buchwald - (воевал на Восточном Фронте в 1941-1943 гг., пока не был ранен).

Когда Вы впервые оказались в России?

Я был там с самого начала. Поскольку мы воевали во Франции, нам сказали за сутки до наступления, что Гитлер сам выбрал нас для того, чтобы мы двинулись вперед в районе Ковно (Каунасом) для захвата аэродрома, и, по возможности, самолетов - целыми и невредимыми. Мы пошли вперед и продолжали движение, расчищая себе дорогу огнем, но по мере того, как мы продвигались, стрельба была слышна позади нас. Так было все время - я не могу сказать вам, скольких мы потеряли. Мы начали в 3.30 утра, но дату я точно не помню. Мы просто шли и шли вперед. Мы взяли Ковно, затем продвинулись к какой-то деревне, где нам досталось крепче, чем когда-бы то ни было до этого момента. Нас накрыли огнем артиллерии и из всего остального, что у них было. Мы потерял всех наших офицеров и сержантов, из командиров остались только ефрейторы и фельдфебели. Мой офицер был ранен, и машина, в которой я вывез его в тыл, выглядела как решето. Мне повезло. У меня и царапины не было, и мы отошли к Ковно.

Был ли высок Ваш моральный дух?

Да. Поначалу мы особенно не беспокоились. У нас все сложилось хорошо во Франции, и после наших первых столкновений с русскими мы знали, что особенных трудностей от них ожидать не приходится... Они были плохо вооружены. Позднее дела пошли иначе. Будучи истребителями танков (Panzer Jagers), мы продвигались впереди пехоты. Если мы знали, что у русских в данном районе есть танки, пехота приостанавливалась, а затем продолжала движение только тогда, когда мы были в авангарде, чтобы отбить танковые атаки.

Были ли тяжелые бои в районе Смоленска?

Там, где я получил ранение, нас было 158 человек в противотанковом подразделении, которое входило в 253-ю дивизию. К концу боев нас осталось семеро. Я был ранен в мякоть бедра разрывной пулей, которая, по счастью, не задела кость, и взорвалась, уже пройдя мою ногу насквозь. Меня вытащили на спине, в то время как другой парень вел его через минное поле и показывал ему безопасный путь. Затем меня погрузили на русскую телегу и отвезли на перевязочный пункт; позднее я оказался в тыловом госпитале.

Что произошло до того, как Вы были ранены?

Мы были полностью окружены русскими. Нами командовал капитан, который держал нас в неведении относительно нашей ситуации. У нас кончились продукты, боеприпасы, топливо - осталось только одно 100-миллиметровое орудие, которое нам приходилось ночью перетаскивать с места на место, чтобы русских сложилось впечатление, что у нас их было больше - на самом деле, это было не так. Думаю, нас оставалось человек 50-60 - точно сказать не могу.

Наконец капитан собрал нас и сказал: "Вы в курсе того, что происходит - нет смысла вешать вам лапшу на уши. Мы полностью отрезаны, теперь каждый сам за себя". Мы стали пробираться через лес - если бы на нашем месте были американцы или британцы, тогда бы я сказал: "Хватит, для меня война окончена, да и другие бы сказали то же самое. Все были сыты по горло. Что-то вроде 38 из нас выбрались оттуда на грузовике."

Как вы оцениваете бойцовские качества русских?

Я бы злейшему врагу не пожелал драться против русских. Хуже врага из числа тех, против

кого мне довелось воевать, я не видел.

В том смысле, что это был хороший солдат и толковый боец?

Нет. Потому что это был дикарь. Пьяный... Как-то нам пришлось засесть на неделю в окопах, пока русские продолжали атаковать нас. Они окопались вдоль реки, в снегу. Когда они шли в атаку, они кричали: "Ура! Ура!" Мы все время были начеку и укладывали их. Когда мы, в конце концов, заняли их линию обороны, мы находили бутылки из-под водки повсеместно.

Вы полагаете, они пили из страха?

Что ж, скажу вам одну вещь. Оружия у них было недостаточно. Те, которые шли в первых двух-трех волнах, делали много шума, чтобы запугать нас - оружие было у тех, что шли за ними. И у них довольно быстро кончались патроны.

Вы считаете, что шедшие в первых рядах атакующих - безоружные пьяные - были из штрафных частей?

Возможно. Может быть. Они не были полностью вооружены, но были одеты по-зимнему - этого у них было больше, чем у нас, в первые два года.

Вы верите в рассказы о жестокостях русских?

Да. Они знали, кем мы были, вплоть до номера части. Они называли нашу часть "Убийцы и Поджигатели" и говорили, что в живых нас не оставят.

Почему вас так называли? Вы были свидетелем немецких жестокостей?

Нет, мы обращались с пленными русскими так же, как со своими [солдатами], а в деревнях русские тепло встречали нас и были рады возможности вернуть иконы в свои дома.

Правда ли то, что пленных использовали в качестве мишеней?

Нет. О таком слышать не приходилось. Пленные, которые попадали к нам, получали те же пайки, что и мы.

Эсэсовцы - вот из-за кого немцам досталась дурная слава. После того, как мы оставили одну из деревень, где люди были дружелюбны по отношению к нам, пришли СС и расстреляли некоторых евреев и еще кого-то. Некоторые из наших парней после нашего ухода оставались в том месте в госпитале, и они все об этом знали.

Правда ли, что СС недолюбливали в других немецких частях?

Да, иногда мы дрались с ними в барах, где они пускали пыль в глаза и стреляли по бутылкам. Гораздо позднее, в Брюсселе, им даже не разрешали покидать центральный вокзал, где они бывали проездом. В России они всегда появлялись, когда нами все уже было зачищено - они останавливались и начинали сортировать людей - вот чем они занимались. Я знал одно место, где немецких солдат встречали очень хорошо - нас угощали водкой и сигаретами. Через два дня после ухода мы услышали, что эсэсовцы расстреляли там множество людей, которых сочли за евреев. Немецкий солдат был совершенно другим по сравнению с эсэсовцем. СС всегда приходили, чтобы делать "зачистки", и никогда не были в боях там, где бывал я.

Как у вас было дело с русскими девушками?

Мы с ними уживались хорошо, как и со всеми гражданскими лицами, но у нас было мало времени на общение с ними. Мы подолгу не задерживались ни в одном городе или деревне... Если в начале мы не только знали, что наступали, ближе к концу мы безостановочно двигались назад.

Каковы были бытовые условия?

Еда состояла в основном из супа. Русский хлеб - если таковой удавалось найти - было невозможно есть. Не было спиртного или сигарет. Некоторые курили старый мох, которым были забиты щели между бревнами в стенах домов. Вода, добытая из растопленного снега, придавала чаю или кофе дурной вкус. Снабжение боеприпасами всегда имело первостепенное значение по отношению к снабжению продуктами и одеждой. Горючего было так мало, что мне дали лошадь, чтобы доставлять сообщения. Проблема была в том, что я до этого никогда не ездил верхом, а лошадь не понимала по-немецки - она привыкла к тому, что ей говорили "стой" и "трогай" по-русски. Когда бы не начинался артобстрел, она всегда норовила ускакать галопом на сторону русских.

Было ли у вас все в порядке с зимней одеждой?

Нет. У нас вообще не было зимней одежды - мы все время ее ждали, а ее нам так и не привезли. Когда после боя наступало затишье, мы шли на "ничейную землю" и снимали одежду с русских - в первую очередь - обувь, их валенки. Зимой 1941/42 только из-за обморожения мы потеряли почти 35%.

Были ли у вас 88-миллиметровые орудия?

Нет, у нас были 37-миллиметровые противотанковые пушки со специальными дульными приспособлениями, чтобы справляться с тяжелыми танками, но проблема была в том, что 37-миллиметровки были эффективны на расстоянии не более 50 метров.

Какими были стандарты в поступлении подкреплений?

Очень низкими. Я был шокирован, увидев младшего офицера, который вернулся к нам: он вернулся к нам через 12 месяцев после ранения и потери глаза. После наступления темноты его приходилось водить от поста к посту, когда он делал обход.

Что собой представляло вооружение, которое было у русских?

Оно постоянно улучшалось. Т-34 имел толстую броню, но я думаю, что его ввели в строй до того, как он был доработан, поскольку у них не было радиосвязи. Говорили, что он передвигался со скоростью до 40 миль в час даже по полю. На ранней стадии их вооружение соответствовало уровню Первой Мировой войны. Потом у них появилось то, что мы называли "Сталинским Органом" - группа ракет, установленная на грузовике. Они выдвигались на позиции, открывали огонь, затем откатывались назад.

По мере того, как у нас становилось все меньше и меньше продуктов и снаряжения, у русских всего этого становилось все больше и больше.

Ездили ли Вы из России в отпуск?

Да, один раз я ездил домой, как это видно из моей расчетной книжки. Три дня я добирался домой - это время на проезд добавляли к месячному отпуску в июле 1942 года.

Приезжая в отпуск с Восточного Фронта, мы получали особые привилегии: могли носить гражданскую одежду, получали кучу шоколада и продукты сверх пайка. А прежде, чем отправляться в отпуск, из-за того, что мы выглядели так плохо, нас помещали в

специальный лагерь и кормили соответствующим образом в течение двух недель, после чего мы выглядели гораздо лучше... Никто не хотел идти в караул в России в мороз, который доходил до 50 ниже нуля: невозможно было стоять на месте, и людей приходилось менять каждые полчаса.

Перебегали к вам русские дезертиры?

Да - однажды у нас оказалось 12 русских пленных, которые не захотели уходить к своим и решили остаться у нас и помогать нам. Это было кстати, поскольку они хорошо знали местность, однако, их держали в тылу, подальше от линии фронта, и использовали в качестве переводчиков и на кухне.

Были ли случаи дезертирства среди немцев?

Нет, я от таком не слышал. Но позднее у нас оказалось так много русских, желавших уйти вместе с нами, что пришлось сказать им: "Нет смысла оставаться с нами, поскольку нам приходится все время отступать, а у нас едва для самих себя еды хватает". Если они оставались, их ждал расстрел.

Как Вы думаете, стоило ли вообще Германии вторгаться в Россию?

Нет. Вы знаете, моя семья всегда была настроена антинацистски. Мы всегда были социал-демократами, верили в свободу слова.

Вы верили в то, что сможете победить?

Нет. Я знал, что мы проиграли, когда мы стали откатываться от Волги... нам не хватало продовольствия, боеприпасов, топлива... Каждая моторизованная часть только и делала, что искала топливо... Бросали танки и грузовики, потому что для них не было горючего. Это происходило еще под Москвой, в декабре 1941.

То есть, вскоре Вы почувствовали, что Вам нечего было делать в России?

Я лично - да. И многие другие чувствовали то же самое. Но рот не откроешь и слова об этом не скажешь - расстреляют. Каждый раз приходилось думать дважды о том, что сказать другому. В Британии вас бы послали на ферму трудиться, а в Германии, если скажешь, что не хочешь воевать, - пристрелят.

Что собой представляла пропаганда в тылу - в Кельне?

Ужас - я никогда не слушал немецкую пропаганду, когда был дома, всегда только BBC. Моя жена говорила, что меня за это укут, но я меньше всего об этом беспокоился. Я знал, что когда я отправлюсь назад в Россию, где полегло столько моих боевых друзей по Франции, вероятнее всего, я уже не вернусь. Такой настрой был все время, после того, как я видел, как погибало столько моих друзей: слева, справа, в центре. Их осталось так мало, что я был уверен - мне через все это не пройти. Когда меня ранило в ногу, мои друзья говорили мне: "Я бы дал тебе тысячу марок за такую рану", поскольку это была всего лишь нога. Большинство ран приходилось на места куда хуже. К тому времени моральный дух был очень низок, и большинство солдат было уверено - им не выжить...

Purnell's History of the Second World War. Volume 1918. War on the Eastern Front: German View. London, 1981. Оригинальное интервью – John Vader. Перевод и обработка - Владимир Крупник

Ранее публиковалось на сайте www.iremember.ru